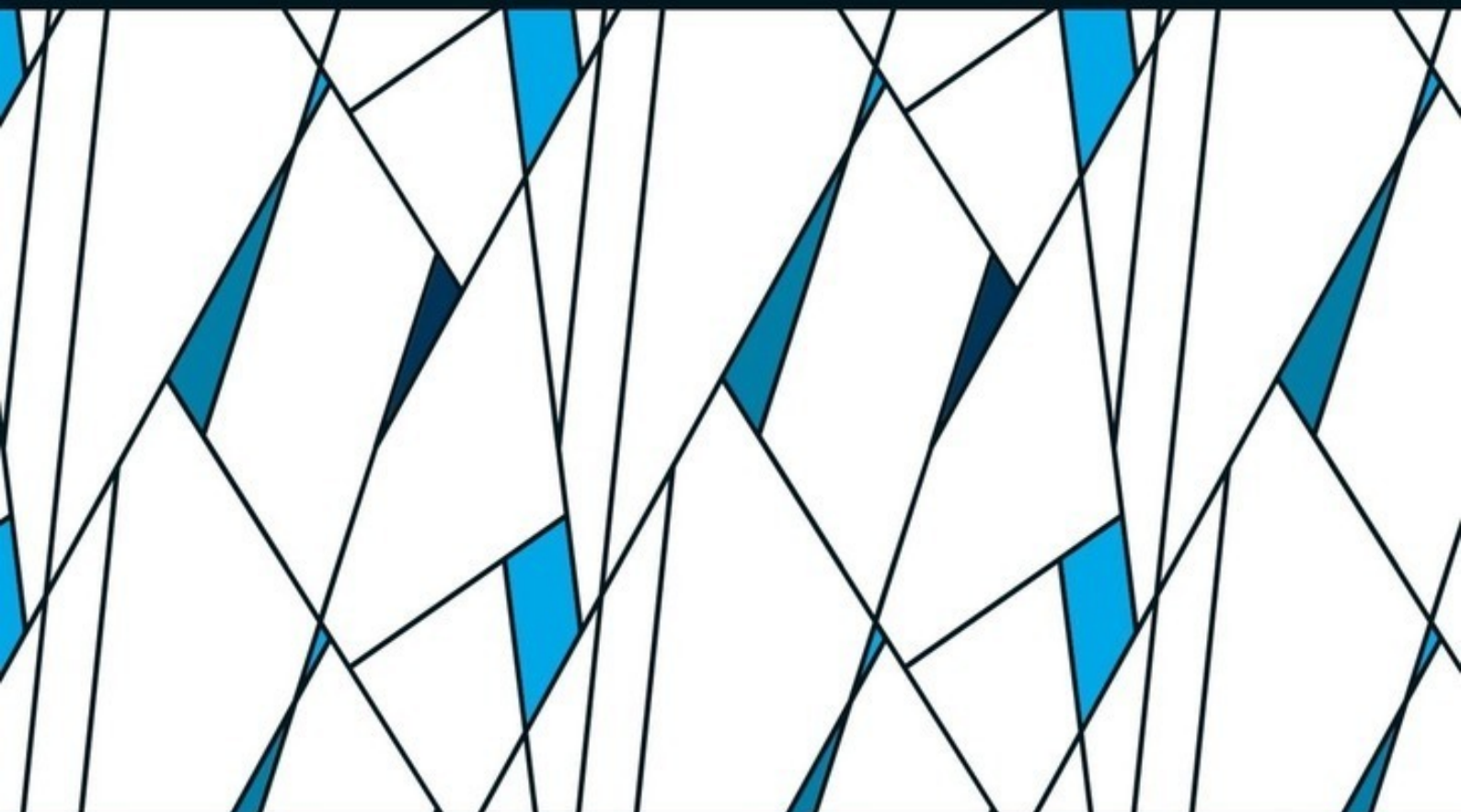

Александр Чигаев

ИДА

Александр Чигаев

Ида

«Издательские решения»

Чигаев А. Е.

Ида / А. Е. Чигаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937774-6

Одесса до революции и после неё. Жизнь простых людей на Молдаванке.
Рассказы о реальных персонажах, тех людях, кто принес славу Одессе.

ISBN 978-5-44-937774-6

© Чигаев А. Е.
© Издательские решения

Ида

Александр Евгеньевич Чигаев

© Александр Евгеньевич Чигаев, 2018

ISBN 978-5-4493-7774-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ида».

Одессе и одесситам посвящается.

1. Немного за Одессу.

Всё меняется в этом мире. Казалось бы – мораль, должна быть незыблема, ан нет, ничего подобного. Всё, что казалось вчера аморальным, сегодня морально, и наоборот. Видимо, всему виной прогресс. Часто слышим, мы же прогрессивные люди. Наверно, это так. Никто сегодня не откажется от электрической лампочки, от машины или самолета. Кто хочет вернуться в каменный век? Думаю, мало таких найдется. Все эти процессы происходят и с людьми. Еще совсем недавно каждый мог сказать, вот этот человек из Рязани, этот из Самары, ну это москвич, слышите, какой у него правильный ВИговор.

Одесса. Раньше одессита было видно за версту. Он еще ничего не сказал, а все тут же поняли, это одессит, ну, а когда он открыл рот, тут уже и к гадалке не ходить. Ни кто и ни как не могли понять, а что же это такое одессит? Теорий было много, а толку мало. А все очень просто, до ужасного просто. Я не считал, сколько национальностей проживает в России, давайте округлим и скажем сто сорок, так, для ровного счета. Так это ж аж на одной шестой части суши проживает. В Одессе, на маленьком пяточке суши проживает ровно столько же национальностей, вот и весь вам ответ. Культура многих народов и народностей слилась воедино. Подходит в мужчине девушка и на чистом молдавском языке что-то спрашивает. Говорит бойко и быстро. Мужчина, не смущаясь, выслушивает её, и отвечает, естественно на русском языке.

– Если вам нужен пятый трамвай, так это за углом.

У мужчины спрашивают:

– Ты что знаешь молдавский язык?

В ответ замечательная фраза.

– Да, никогда в жизни, я вообще языков не знаю.

– Так она же обратилась к тебе по-молдавски.

– Шо вы говорите. Правда? А я и не заметил.

Возьмем другой пример из не лучшей нашей жизни, поминки. И тут одессит знает, что сказать для успокоения вдовы.

– Посмотрите, какие шикарные похороны.

Все, вдова перестает рыдать, у неё есть полное удовлетворение. Шикарные похороны.

И это не анекдот, это жизнь. Множество языков влились в прекрасный русский язык. Одессит ни когда не коверкает слова, важна интонация, важны жесты. И слова паразиты, трудно такие слова назвать паразитами. У каждого одессита есть своя любимая фраза, которую он постоянно вставляет в разговор. А удивление какое! На старую банальную новость, тут же ответ.

– Да, что вы говорите! Не может быть! Ах, какой ужас! И это ж надо!

В Одессе национальность человека можно было узнать всего два раза в его жизни, хотя она и ни кого не интересовала. Первый раз при рождении. Всем было интересно, придет свя-

щенник или раввин. Второй раз при его смерти, когда его несли на кладбище. Все кладбища были рядом. Если переходили Люстдорфскую дорогу, то еврей, если до Люстдорфской дороги хоронили, значица христианин. С мусульманами, тут было несколько трудней. Им выделили место за дорогой и до неё. Правда, еврейский участок был гораздо больше, но обиды мусульманам такой дележ не приносил. Иудей и мусульманин лежат почти рядом, да в каком краю такое возможно? В Одессе все можно и все возможно. Цыган, вообще хоронили на двух кладбищах. Если могила побогаче, естественно, на еврейском. А ежили ты не барон, то пожалуйста на христианское кладбище. А, по большому счету, в общем, да какая разница. И это еще не все. Вы думаете, что кто-то точно знал фамилию соседа, в лучшем случае имя, да, и то не всегда. На Молдаванке, Пересыпи или Слободке подбирались жизненные прозвища, новое имя попало точно в цель.

В центре города все было иначе. Звучала правильная русская речь, и часто можно было услышать.

– Будьте так любезны, я вас благодарю.

А культурная жизнь Одессы, куда там Москве и Питеру. Гастроли великих танцовщиц, певцов и музыкантов начинались с Одессы. Если кто-то из заезжих гастролеров проваливался в Одессе, ему было нечего делать в России. В Москве и Питере театры строились на государевы деньги, великий одесский оперный театр был построен на деньги граждан Одессы. Разве только театр, все памятники были поставлены на кровно заработанные деньги одесситов.

Но, это было всё вчера. Прогресс все съел.

Сегодня все иначе. Приехал человек из Одессы, и если он не скажет, что он одессит, ни кто и не заметит. Как говорили раньше – вИговор другой. Вот так и живем.

2. Доктор Гойхман.

Сегодня доктор Гойхман проснулся в скверном настроении. Кто не знает доктора Гойхмана в Одессе, пожалуй, только новорожденный ребенок, и это при том, что он не делал Кесарево сечение его матери. Доктора Гойхмана знает каждая собака в Одессе. Его никогда не зовут по имени и отчеству, только официально и только доктор Гойхман. Он всегда заходит в любой двор, как к себе домой. Доктор медицины, потомственный хирург. Он много лет оперирует в Еврейской больнице, консультирует все клиники Одессы. Не один уважающий себя одессит не даст оперировать себя другому доктору, только доктор Гойхман. Жена градоначальника распорол камнем на пляже свой пышный зад, и вот его уже вызывают в первую клиническую больницу. С этой царапиной справится любой молокосос, который только что окончил медицинский университет, но срочно вызывают доктора Гойхмана. Зад жены градоначальника должен выглядеть великолепно, что бы и намек на какой-нибудь шрам. А вот сегодня у доктора нет настроения, даже в свою родную клинику не тянет, а надо оперировать мадам Цибульскую, у нее грыжа, сегодня плановый операционный день. Но тут напасть такая, не хочется не только выходить из дому, с кровати встать не хочется. Подумаешь грыжа. Она с этой грыжей ходила сто лет и еще сто лет проходит. А гонорар, какой сегодня может быть гонорар, в наше-то время, что можно взять с мадам Цибульской, гроши. Да, муж ее начальник трамвайного депо, ну и что, трамваи почти не ходят, а те, что еще ходят, держатся на кувалде Жоры Лома и его крепком словце. Доктор пересилил в себе чувство тревоги и встал с постели. Чувство тревоги никогда его не подводило. Он еще с детства запомнил, как бы он не нашкодил вечером, если он проснулся в хорошем настроении, то все сходило ему с рук, а вот, если заскребло на душе, то секли нещадно. Воспитание в семье Гойхманов было классическим. Кнут и пряник, или любили или секли розгами, это добавляло ума. Выпив чаю, доктор немного успокоился, хотя и обругал жену, впервые за много лет, чай был сильно горячим. На улице засветило солнышко, на душе стало чуть спокойнее, тревога как-то ушла вниз, хотя, ему его собачий нюх подсказывал, беды большой не будет, а вот вести не добрые придут. По плану, у него сегодня было много дел. Оперировать мадам Цибульскую, осмотреть несколько больных, а потом к любимой

Сицилии. Эта женщина всегда сводила его с ума. Она была не менее известна на всю Одессу, как и сам доктор Гойхман. Проститутка премиум класса, правда в прошлом, но легенды о ней ходили, и по сей день.

3. Сицилия.

Сицилия, так её звали в одесском портовом борделе, а вот в доме на Михайловской улице, где она проживала, звали её гораздо проще, Циля. Мать ее Афродита, была немного с вывихом, как и её бабушка Мариотта, что касаясь прабабушки, так её ни кто, ни помнил, передала ей наследственную профессию. Вот интересная семейка. Мужиков в доме отродясь не было, а детей женского пола рожали регулярно. В Одессе любая профессия всегда почетна. Ты мог зарабатывать свой хлеб насущный любым способом, головой, руками или другим местом, это ни кого не волновало, главное достаток в доме. Циля унаследовала весь опыт предыдущих поколений и, видимо, так ей все понравилось, что она этот опыт многократно приумножила. Начав свою карьеру с самой низшей ступени, с Гаванной улицы у припортовой площади, Циля за несколько месяцев перебралась в лучшие апартаменты портового борделя. Как утверждали ее постоянные клиенты, Циля ни чего нового не придумала, она делала все тоже, что и остальные девушки, но как она это делала, с душой и с огромным удовольствием для себя, что местную и заезжую морскую публику это приводило в полный восторг. Ни один, даже самый сильный мужчина не мог с Цилей продержаться более пяти минут. Сначала человек входил в штопор, потом резко разворачивался и улетал в заоблачную высь. Пока клиент набирался сил, Циля успевала обслужить еще пяток клиентов. Заход по второму кругу мог продлиться несколько дольше, но, опять-таки, не более семи-восьми минут. И снова облака и бескрайнее небо. Впоследствии гонорар Цили был не менее десяти рублей, но хочу заметить, не бумажными деньгами, а золотом. С ее работоспособностью она зарабатывала в месяц больше, чем вся аптека Гаевского, а аптекарь Гаевский зарабатывал не мало. Лучшие аптеки города, все его. Циля могла купить себе дом и экипаж, выйти замуж за помощника губернатора, который был без ума от нее, но она ни чего этого не сделала, она, даже не съехала со своей квартиры на Михайловской улице. Сделав небольшой ремонт, и поправила обстановку. Мягкий диван, кушетка и прислуга, и все это в двухкомнатной квартире с маленькой пристройкой для утех и отдыха знатных клиентов на втором этаже. На первом этаже была парикмахерская, где ей делали замечательную завивку. За время работы, кроме денег, Циля приобрела себе еще двух дочерей, Клеопатру – Клёпу и младшую Галатею – Галку. Старшая Клёпа уже начала подрабатывать на материнской стезе.

4. Доктор Гойхман. (Продолжение)

Доктор Гойхман, а по другому его ни кто и не звал, он и сам стал забывать свое имя и отчество, сегодня остался доволен собой. Операция грыже сечения прошла успешно. Он даже не глядел в рану, руки все сами сделали. Таковую операцию он мог сделать и с закрытыми глазами, не смотря на то, что живот мадам Цибульской был не меньше сто литровой бочки из-под молдавского вина, которым торговали возле «Привоза» на Преображенской улице. Осмотру пациентов он уделил несколько часов, хотя и хватило бы пяти минут. К осмотру пациентов он подходил с особой тщательностью. Тут дело было не в диагнозе. Молодой дурачок медик глянул, поставил диагноз и пошел к другому пациенту. Скорее всего, диагноз был установлен правильно, но..., какой он получит гонорар, ровно за пять минут работы. Другое дело доктор Гойхман. Он выслушает все, даже если у тещи пациента есть геморрой, который ей приносит муки, а пациенту радость. Пощупает, понюхает, послушает и все не торопясь, с чувством, с расстановкой. Тут сразу скажут, вот это настоящий доктор, а не тот шалопай, который через пять минут убежал. Диагноз и у того и у другого доктора будет одинаков, а вот гонорар, у одного рублишко, а у другого сотенка. Чувствуете разницу? Золото звонче звенит и радует душу. Доктор после трудов праведных принял душ, надел свежее белье и новую сорочку, в его кабинете всегда был запас одежды. Вышел на Госпитальную улицу и направился в кафе слегка заку-

силь. Потом Сицилия, в ее комнате он чувствовал себя великолепно. Старая любовь просто так не проходит. Старшая дочь Циля уже на работе, младшая Галка, как обычно плясает в окне. Хоть бы прогуляться, когда вышла. Заказал устриц, белого вина и немного осетрового балычка, попытался расслабиться. На дворе гражданская война, везде голод и разруха, а в Одессе сплошная благодать. Работают все рестораны и кафешантаны. Варьете, в опере итальянцы. Французские матросы гуляют по Приморскому бульвару, но все это должно было скоро кончиться, это доктор знал точно, чуйка его ни когда не подводила. Официант принес заказ, и тут Гойхмана что-то стало грызть в душе. Надо домой, подумал он. Ах, Циля, Циля, дай Бог, что б я ошибся. Если ошибся, то на извозчика и к тебе в гнёздышко. На извозчика он все равно сел, хотя и жил не далеко от Еврейской больницы. Ришельевская, угол Пантелеймоновской. Шикарный дом, шикарная квартира. Эту квартиру еще его дед купил, профессор медицинского университета по кафедре оперативной хирургии. Еврейская больница тогда еще не существовала. И на этот раз чутье доктора Гойхмана не подвело. У парадного подъезда стоял его двоюродный племянник, видимо со своей женой, во всяком случае, так ему показалась. Гойхман часто гостил у них в Питере, последний раз он был в Петербурге в шестнадцатом году. А так, ежегодно, на протяжении многих лет. Пару раз он брал с собой жену, но понял, это ни к чему, пусть в Одессе сидит, ей и там есть чего делать. К двоюродному брату он всегда приезжал в начале сентября, когда в Одессе оканчивался пляжный сезон, а в Питере начинался театральный сезон. Принимали его радушно, не нужно было тратиться на гостиницу. Квартира его брата была в разы больше. Кто не знает ювелира Лейзерсона в Питере. Лейзерсон не работал на дом его Императорского Высочества, пусть там работает Фаберже. Лейзерсон работал на купечество. Если камень, то величиной с орех, если золотая цепь, то чуть тоньше якорной. Старый Лейзерсон знал свою нишу. Были, конечно, у него колечки и для простых людей, были украшения и для князей и графов, но главный покупатель для Лейзерсона был русский купец. Князь или граф торговаться не будет, купец будет торговаться до одури, но в каждом деле есть свои издержки. Со временем Лейзерсон и на купеческий торг нашел управу, да еще и с какой выгодой. Ювелир в Питере знал всех кокоток и хорошеньких актрис, нет, не подумайте чего плохого, кому подарочек, кому букетик цветов, тут растраты не было. После Нижегородской ярмарки купцы в Питер тянулись, те, что с барышами были. А что в Питере делать, к актрисам или в модный дом госпожи Жюли. Шампанское рекой. Чего там может предложить офицер-дворянчик, ах мадемуазель я вас люблю, в лучшем случае колечко в пятнадцать рублей ценой, а тут душа нараспашку. Вот девушки и повадились ездить к Лейзерсону в магазин со своими купчиками. Так зайдет запросто и пальчиком покажет на колечко, или там на браслет. Кольцу цена рублей триста, не больше, а Лейзерсон только за шесть сотен уступает. Купец торговаться, тут девушка свои пухлые губки надует и купец сдастся. Купец уезжает, ведь дома жена и дети, а девушка же кушать кольцо не будет, вот она и несет его обратно в магазин. Лейзерсон ладошки свои потрет и вынимает из кассы двести рублей. Все довольны. Актрисы же денег не берут, не та профессия, а жить надо. Одно кольцо так и носит имя Лили, оно у Лейзерсона за год семь раз обернулось. Лейзерсон потом его Лили и подарил за сто рублей.

У Гойхмана была четкая программа в Питере. Неделю он ходил по театрам. Очень любил он русский репертуарный театр, мог сходить и в оперу. Вторую неделю он придавался блуду. Девушек он тщательно осматривал, что бы ни завести домой сифилис. Еще три дня, он, сидя в кресле и отдыхая, разговаривал с двоюродным братом о смысле бытия, потом подарки домочадцам, прощальный ужин, за счет Лейзерсона и домой в Одессу.

Сын Лейзерсона Соломон учился в Лейпцигском университете. Когда началась война четырнадцатого года, вернулся через Париж в Петербург, и уже в Питере окончил университет. Был он специалистом по сплаву цветных металлов и стали. Вот Соломон и ожидал доктора Гойхмана у подъезда. Пришлось Гойхману тепло поприветствовать своего племянника. Они вошли в квартиру.

– Почему же ты дорогой племянник телеграмму не дал, я бы тебя на вокзале встретил. Как папа и вообще как жизнь вокруг? Мы в Одессе ни чего не знаем, что твориться в мире. Где красные, где белые, где Петлюра и прочая сволочь.

– Дядя, какие тут телеграммы, я к вам добирался три месяца. А теперь все по порядку. Хочу тебе представить свою жену Александру Ефимовну, она дочь папиного старинного друга.

– Ах вы, дочка доктора Фимы Дорфман. Очень рад. Я вас совсем маленькой знаю. Так как же папа, почему молчишь?

– Ох, дядя. Убили вашего брата. Вы не представляете себе, что твориться в Питере. Ужас. Реки крови, офицерской, дворянской, еврейской. Поверьте, весь город в крови. Мы с Сашенькой жили отдельно. Папа решил пробираться к вам, пока в Одессе спокойно, а дальше, на паром, и в Америку. Сначала я не хотел ехать, а потом согласился. Теперь во всем виню себя. Уехали бы раньше, ни чего бы, ни случилось. Отец собрал свой чемоданчик и так, немного белья, я за Сашенькой пошел, прихожу, отец в крови, не дышит. Вещи есть, а чемоданчика нет. Похоронили по-человечески и поехали к вам. Хорошо, что мы переоделись в рабочее платье, видите какое рваньё на нас, иначе не доехали бы. И так грабили по дороге. Нам бы помыться с Сашенькой, а то не дай Бог и вшей вам принесем. У Сашеньки есть хоть какое бельишко, а вот свое я все поменял на еду и хлеб.

– Так что, у вас совсем денег не осталось?

– Какие там деньги, несколько десятков золотых, да два обручальных кольца, вот и весь наш капитал.

Было такое впечатление, что доктор мало расстроился по поводу смерти, хоть и двоюродного, но все же брата. Основное расстройство пришло, когда он узнал, что у племянника денег нет. Пока родственники мылись в ванной, Гойхман ходил по комнате и рассуждал. Чего теперь с ними делать, не поселить же их у себя. Ну, из вещичек я чего там подкину, от сына осталось. В это время сын Гойхмана воевал в Красной армии, не с ружьем, а со скальпелем, но все же был бойцом. Домой пришла жена Гойхмана, она не ожидала его так рано домой. Все тут же и узнала. Был накрыт стол, тут Гойхман не пожадничал. Харчи испортятся, деньги в золоте ни когда, это он четко знал. Потом немного еще поговорили. Родственники пошли спать, для них была отведена отдельная комната, а вот сам доктор долго уснуть не мог. Рано утром, когда еще все спали, он уехал в больницу. Домой вернулся к ужину. Отужинав, позвал племянника к себе в кабинет.

– Вот что я хочу тебе сказать мой дорогой Соломон, ты только не подумай, что я хочу сбить тебя с рук. Ты же мне родной и я люблю тебя как своего сына. Что мне жалко, да живи, сколько хочешь, три комнаты пустуют, и еды хватает, я хорошо зарабатываю. Но тут дело в другом и я тебе сейчас все объясню. Сынок мой пишет, что гражданская война продлиться не долго. Красные войдут в Одессу, и тут будет точно так же, как и в Питере. Конечно, крови дворянской в Одессе несколько меньше, но и Одессу зальют кровью. От пролетариев другого ожидать глупо. Мне-то ни чего не сделают, я отец красного героя, который спасает жизни красноармейцам, а вот тебя племянник я уберечь не смогу. Твою фамилию знает вся Россия. Рано или поздно тебя найдут и убьют. Уехать за границу ты не можешь, чего тебе там делать без денег, а у меня какие деньги, я же доктор бедных евреев. Так, немного на старость оставил.

Вот тут Гойхман сильно покривил душой, денег было у него не просто много, а очень много и все в золотых рублях и в бриллиантовых камнях. Три поколения Гойхманов собрало огромное состояние. Все у него отберут, но это будет позже

– Так вот, что я придумал. Вот тебе документы. Теперь ты Натан Соломонович Медведев, твоя жена Изабелла Семеновна. Эти люди немного старше вас, но сойдет. Они угорели в прошлом году от своей печки, я дежурил по больнице, их в морг, а документы у меня в столе остались, вот и пригодились. А с фамилией Медведев в Одессе жить можно. Медведевых в Одессе, что звезд на небе, поди, разберись, чей кто родственник. Так что, документы чистые.

Тут Соломон посмотрел на дядю очень внимательно и так, между прочим, задал интересный вопрос.

– Дядя, какой из меня Медведев, хоть и Натан Соломонович. Если бы мой папа не был ювелиром, со своим габитусом я бы сейчас жил в Жмеринке по закону оседлости Екатерины Второй.

– Дорогой мой племянник, дослушай меня до конца, и я отвечу тебе на все твои вопросы. И квартирку я тебе нашел, конечно, не ваши апартаменты, но жить можно. Жильцов этих неделю назад убили. Они за вином в Молдавию отправились, вот тут их банда Котовского и нашла. Порубили всех. Только я тебя прошу, ни кому не говори банда Котовского, он сейчас красный командир – орденноносец. Одесса еще наплачется от него. Его из Одессы Мишка Японец выгнал, теперь будем пожинать плоды. Ты дай золотой дворнику, он молчать будет. Хотя, молчать он будет в любом случае, якут по-русски знает несколько слов, но на всякий пожарный случай нужно с ним рассчитаться. И самое главное, ты постарайся много не говорить, тебя быстро расколют, что ты не одессит. Ты слушай и впитывай одесскую речь, мальчик ты умный, дойдешь до всего сам. Соседи не выдадут, в Одессе так не принято. Делись, чем есть, потом вдвое больше получишь. Еду я тебе буду стараться присылать. Меня ты не знаешь. Устройся на работу, ты же по металлам специалист. Про университет забудь. Возможно, Советы ненадолго, а там посмотрим. От тебя я не отказываюсь. Обстоятельства. Теперь по поводу фамилии Медведев. Это у вас в Санкт-Петербурге или Калуге Медведевы русские, а в Одессе это прекрасная еврейская фамилия. Такими словами как габитус ты не бросайся, в Одессе говорят фейс, на худой конец – морда. И еще, скорее всего это самое главное, что тебе нужно понять, тогда ты станешь одесситом. В Одессе еврей, это не национальность, в Одессе еврей, это образ мышления, прежде всего, а потом уж и национальность. Пойми, в Одессе купец Иванов, Петров или Сидоров быстрее сойдут за еврея, чем ты мой дорогой племянник, ибо у них образ мышления правильный. Выбрось из головы эти штучки, которым тебя научили в Лейпциге, и стань простым, но хитрым евреем.

Соломон был порядочный человек, и все слова дяди принял за чистую монету, хотя, где-то доктор Гойхман был и прав. Обстоятельства. Утром чета новоиспечённых Медведевых вселилась в свою новую квартиру. Комната и кухня трамваем. На Молдаванке готовят пищу на верандах, только зимой на печке, но, сколько той зимы в Одессе, вот и получилась двух комнатная квартира на втором этаже со всеми удобствами во дворе. Простите, теплых клозетов и ванн на Молдаванке не было. Удобства были, это да, но всё же во дворе.

Вот так чета Медведевых появилась в Одессе на Михайловской улице. Как приняли их соседи, да, нормально приняли, никто лишних вопросов не задавал, время не из легких. Правда, мадам Дуся, с замечательной фамилией Мацепудра, затаила небольшую злобу на новых жильцов, так как сама рассчитывала перебраться из полуподвала, где проживала с придурковатой дочерью, на второй этаж, но кто ж знал, что Сигизмунд Лазаревич Иванов, владелец этого дома, втихаря, ещё до прихода советов убежит жить в Грецию. Без его разрешения вселиться в эту квартиру было нельзя, это при Советской власти стало возможно. Зато доктор Гойхман все знал, и дворник-якут лично вручил Натану Соломоновичу Медведеву ключ от квартиры номер семь. Дворник якут был один из достопримечательностей на Михайловской улице.

5. Якут иудей.

На еврейскую Пасху доктор Паис и ребе шли по Михайловской улице не очень твердой походкой. Они уже посетили с десяток квартир, где правильные евреи отмечали свой праздник. Если ребе делал это из побуждения долга, то доктор Паис это делал, скорее, что бы поддержать ребе. Доктор обслуживал всех бедных евреев Молдаванки, ребе всех евреев Молдаванки, но оба они находились в одинаковых условиях, на Молдаванке, в основном, не проживали богатые евреи. Знали они друг друга с детства, так что, эта дружная парочка уже позавтра-

кала и пообедала, теперь они решили прогуляться, что бы освободить желудок перед плотным ужином. Еще было достаточно еврейских домов, которые они не посетили, а уже находились в хороших парах Бахуса. Если вы думаете, что ребе не пьет, так я вам скажу, только не в Одессе. Пусть не часто, но на Пасху и сам Бог велел. Когда они минули парикмахерскую, навстречу им вышел дворник Якут. Был ли он якутом, тут трудно сказать, его так все называли, но, то, что это был представитель северных народов, сомнений ни у кого не было.

Якут появился в Одессе еще до революции. Его привез в Одессу какой-то купчик, вместе с упряжкой оленей. Купец потом уплыл на пароходе в Париж на выставку с местной белокурой Жази, а якут остался. На оленьей упряжке он катал детей по городу, а когда предприятие его лопнуло, якут съел своих оленей и попросился на работу к домовладельцу на Михайловской улице. Так как якут ни чего не умел делать, то ему вместе с подвальной камеркой досталась должность дворника. Из оленьих шкур он сшил себе меховую шапку и жилетку, в которых ходил и летом, и зимой, видимо, не снимая одежду в постели. Зимой ему хватало такой шубы, что бы ни замерзнут, какие в Одессе морозы, а летом этот наряд уберегал от жары, что бы Якут не растаял. Метлой махать его выучили быстро. На что жил якут, ни кто толком не знает, возможно, домовладелец ему чего и платил деньгами, на второй день после революции он укатил за границу, даже не продав ни одного своего доходного дома.

Якут вышел на встречу двум друзьям с большой улыбкой, и это ни чего не означало, он всегда улыбался людям. Такой жизнелюб был. И тут доктор Паис задал ребе очень правильный вопрос.

– Вот скажите мне ребе, вы так много знаете, какой национальности якут?

Ребе заморгал глазами и попросил доктора уточнить вопрос.

– Я извиняюсь ребе. Вопрос не корректен. Какого вероисповедания Якут. Неужели он самоед и язычник? Разве может быть такое, ведь мы живем в двадцатом веке.

Ребе серьёзно задумался.

– Что вам сказать многоуважаемый доктор Паис. Мне трудно ответить на ваш вопрос. В Якутии я ни когда не был, и вообще, дальше Жмеринки не выезжал, а в Талмуде на сей счет ни чего не сказано. И я вам еще больше скажу. Хотите, я его сейчас обращаю в нашу иудейскую веру? И это вам будет стоить всего ничего, скажем так, три бутылки водки. Что бы вы ни подумали, что я стяжатель и рвач, это будет, что-то вроде пари. Вы же знаете, что мне нельзя держать пари, ведь я ребе, так что будем считать, что это оплата за работу.

Тут доктор Паис задумался. Конечно, очень интересно посмотреть, как ребе будет приводить к вере якута, но и денег было жалко. Интерес победил. Доктор Паис задумался, ему нужно было резко осложнить задачу ребе.

– Я согласен ребе, но запомните, только с полного согласия Якута.

Паис ни когда не разговаривал с Якутом, поэтому ребе тут же понял, что пари он выиграл. На любой вопрос, который задавали Якуту, тот всегда отвечал одинаково.

– Да, хозяин.

Других слов он и не знал. Мало того, доктор Паис и не догадывался, что ребе всегда с собой носит свою машинку, так, на всякий случай. Ребе подошел к Якуту и тут же задал ему вопрос.

– Ты хочешь принять иудейскую веру, эта самая правильная вера на Земле?

Якут тут же и ответил.

– Да, хозяин.

Видимо, хмель совсем разгорячил души спорщиков. Они схватил Якута под руки, и потащили его в подвал, где он проживал. За всем этим наблюдал дед Бурмака, который сидел на лавочке возле своего двора. Через пять минут из подвала раздался душераздирающий крик Якута, а еще через несколько секунд Якут выскочил на улицу и как горная лань, а не как север-

ный олень, помчался в сторону Слободки, на ходу застегивая штаны. Два «крестных отца» Якута вышли из подвала.

– Что-то я не понял ребе. Вы ему сделали обрезание или кастрировали его? Он так орал, как бык во время кастрации. Насколько я знаю, вы же все это дело проделываете совершенно безболезненно. Кстати, а куда убежал Якут, что то его не видно?

Тут в разговор вмешался дед Бурмака. Хоть у него и не было сегодня Пасхального дня, но он так же находился под оковитой и был в прекрасном расположении духа.

– Якут, наверное, побежал в Якутию, на север, но так как ребе лишил его кусочка стрелки компаса, то сбился с курса и побежал в сторону Слободки, то есть на запад. Там Якутии нет, там Молдавия.

Якута не было видно целую неделю. Все уж подумали, что Якут все же вернулся на верный курс, и, обогнув город Кишинёв, пошел пёхом до Якутска, но Якут вернулся. Мало того, он вернулся с молодой красивой девушкой. Она была дочкой дворника татарина со Слободки. Дед Бурмака все в жизни познал и тут же добавил.

– Якут прибежал к татарину со своим новым паспортом, который он держал в руках без крайней плоти. Татарин подумал, что Якут принял мусульманскую веру. Наверняка он задал Якуту тот же вопрос, что и ребе, только изменил веру на мусульманскую. Якут, ты, что принял мусульманство? Вы же понимаете, Якут ответил понятно. Да, хозяин. И евреи, и мусульмане соблюдают обряд обрезания. Вот он дочку ему и отдал. Теперь ребе вам нужно поженить молодых, другого выхода у вас нет. Не будет же жить Якут в грехе, а вы его, так сказать крестный папаша.

Двор скинулся деньгами, иначе ребе ушел бы в полный отказ и на русскую православную Пасху их поженили. Мусульманка и еврей Якут, такого в Одессе еще не было. Но на этом заботы ребе не окончились. Жена Якута рожала раз в год, а иногда и два раза и все время мужское население. Ребе измучился бегать к Якуту со своей машинкой, там денег, уж точно не давали. Мало того, ребе вызвала к себе главный раввин Одессы.

– Послушайте нас внимательно ребе. Якут ходит каждую неделю в синагогу и требует от общины денег. Ему нужно кормить семью, и я его прекрасно понимаю. Денег мы ему пока даем, но если так пойдет и дальше, то деньги кончатся окончательно. Лучше бы вы его кастрировали, как говорит доктор Паис.

При военном коммунизме детей у Якута отобрали, хотя ни кому и в голову не пришло заниматься беспризорниками, которые наводнили Одессу со всей России, и отправили их в детдом. Жена мусульманка перестала рожать. Якут продолжал работать дворником на Михайловской улице.

6. Натан и Белла.

Все произошло так, как и говорил доктор Гойхман. Хорошая жизнь быстро окончилась. Антанта, будь она не ладна, села на свои пароходы и отчалила из Одессы в свою Европу, с ними попутно уехали и богатые одесситы, те, кто поумнее, а вот не очень далекие таки остались. Может, пожалели денег, а может и по слабоумию, решили переждать Советскую власть в Одессе. Сколько она продержится, месяц, два, а по заграницам мотаться, это расходы. Вот тут они ошиблись. Советская власть пришла в серьёз и надолго. В Питере и Москве уже перестали расстреливать, ибо всех кого могли, расстреляли, а вот в Одессе только и началось. Если в столицах расстреливали по идейному принципу, то в Одессе расстреливали в основном зажиточных людей. Сия участь миновала жителей Михайловской улицы, а вот доктор Гойхман здорово ошибся, за ним пришли на второй день после окончательного провозглашения Советской власти. Пока его сын воевал с басмачами, на Туркестанском фронте, ребята из красной дивизии товарища Котовского быстро реквизируют ценности у доктора Гойхмана, а заодно, так, забавы ради расстреляли и самого доктора Гойхмана, чего там мелочиться. Теперь тайну Лей-

зерсонов-Медведевых ни кто не мог раскрыть. Возможно, доктор Гойхман и рассказал бы обо всём, но у него ни кто и не спрашивал.

С приходом Советской власти в Одессу тут же исчезли все харчи. У многих одесситов тут же появился вопрос, на который так и ни кто не ответил. Почему там, где Советская власть, тут же пропадают продукты? Вот еще неделю назад они были в изобилии, а сейчас нет. Мало того, и штанов нет. Неужели можно всё съесть сразу партийным работникам, так они же сразу и лопнут. Для Одессы наступили не лучшие дни. Натан работу нашел быстро. У «Горбатого» моста организовалась артель по выплавке чугуна. Лили чугунные кольца для печек. Не все получалось, было много брака, но с приходом Натана в артели стали хорошо зарабатывать. Он помнил наставления покойного доктора Гойхмана и делился с соседями деньгами, те в свою очередь делились продуктами, какие могли достать на «Привоze». В общем, семья Медведевых влилась в дружный коллектив двора на Михайловской улице. Даже, мадам Дуся Мацепудра забыла про квартирную неурядицу. Люди живут при любой власти и рожают когда сытно и когда голодно. Люди не звери по своей сути. Это звери перестают давать потомство, когда их обуревают голод, а человек рождает всегда. Сытно или голодно, тут значения не имеет. У семьи Медведевых появился первенец. С приходом ребе весь двор узнал о национальности родителей. Да, они оказались евреями, как и утверждал дед Бурмака.

7. Дед Бурмака.

Учитывая малое количество одесситов в сравнении с народонаселением Китая, можно предположить, что каждый одессит является местной достопримечательностью. В то время, когда впервые Василия Ивановича называли дедом Бурмака, он был совсем не старый человек. Родом он был не с Молдаванки, а с Пересыпи, так как там родился. С детства он был до ужаса ленив, как-то родители упустили этот момент в воспитании. Единственное что ему нравилось делать в жизни, так это ловить бычков, слава Богу, далеко ходить было не надо. Открыл дверь хибарки и вот оно Черное море. В море с рыбаками он ни когда не ходил, плавать не умел, а учиться сему ремеслу ему было лень. Странное дело, одессит и не умеет плавать. И такое бывает. Родители довольно рано поняли, что с Васи толком ни чего не получится. Решение пришло сразу, женить и не морочить себе голову, пусть жена его учит уму разуму. Сваха быстро невесту нашла с Михайловской улицы. Муська Бурмака, торговка с «Привоza», вот не везло бабе на мужиков. Одного убили в пьяной драке, двое других сбежали от Муськиного характера. Рука у неё была тяжелая. А так, баба хоть куда, и все у неё на месте и все у неё при ней. Сколько Васе было лет на тот год свадьбы, он и сам толком не знал. Да, какая разница, жинилка выросла, значит к свадьбе готов. Так что, Вася к жене получил и её фамилию. Поначалу Муська дубасила своего мужа, почитай ежедневно, на работу его выгнать было невозможно, а к ловле бычков Вася сам охладел. Как он говаривал.

– Это ж, куда переться надо. Где Молдаванка, а где море.

Хотя, по честной совести до моря пешком минут сорок ходьбы, а на трамвае, да, да, в Одессе уже был трамвай, он там появился одним из первых в России, десять минут от силы. Многие прекрасно знают песню семь-сорок и многие думают, что это еврейский фольклор, ничего подобного. Всё гораздо проще, чем вы думаете. В семь сорок, то есть без двадцати восемь, а если быть уже совсем точным, то в девятнадцать сорок приходил последний трамвай на десятую станцию Большого Фонтана и этот трамвай встречали с музыкой, вот той самой музыкой, которая впоследствии и стала песней и танцем семь-сорок.

Муська не выгнала своего мужа, видимо свой супружеский долг, он выполнял исправно, а на Муське было, что выполнить от и до. Подтверждением этому стало рождение у Муськи сына, ровно через девять месяцев после свадьбы. Тут и злые языки ничего сказать не могли. Вася целыми днями просиживал во дворе на лавке, а самый дальний поход его был до угла, где находилась пивная. Иногда он приходил за своей женой на «Привоze», где Муська торговала в рыбных рядах. Однажды он зашел в молдавские ряды, где в бочках торговали вином,

и познакомился там с Мирчей Боу. Когда Мирче находился в Одессе, то Вася постоянно был возле него. Нельзя сказать, что Вася стал много пить, пил он всегда в меру, очень редко он мог прийти домой на бровях. Муська могла его отдубасить, после чего Вася неделю не выходил из дома. В общем, Вася вел интеллектуальный образ жизни. Когда их сыну исполнилось четырнадцать лет, умерла и сама Муська Бурмака. У неё заболел живот, ей бы к врачу, а тут свежую скумбрию подвезли. Не пропадать же рыбе. Живот может подождать, а рыба нет. Начало осени, жара в Одессе. Банальная вещь, аппендицит. Когда ее привезли в больницу, перитонит гулял во всю по её животу. Муська умерла, и похоронили её, не переходя Люстдорфскую дорогу, все узнали, что Муська христианка, хотя в этом ни кто и не сомневался. В тот день Вася уже был весь седой. Злые языки утверждали, что Вася поседел от переживания, мол, кто его теперь будет кормить, а добрые люди сразу и сказали.

– Это ж как нужно любить свою жену, что бы так сразу и поседеть.

Кто из них прав судить трудно. Может и в правду Вася любил так свою жену. По честной совести, там было и что любить и кого любить. В этот день кто-то и назвал Васю дедом Бурмака, так ему эта кличка приклеилась на всю жизнь. Теперь сын стал кормить отца. Сынок, не в пример папаши, оказался работающий. Пересыпская родня тут же нашла ему работу, познакомив с контрабандистами. Через два года Вася, теперь уже дед Бурмака, женил сына на Маньке Сопле. Тут, слава Богу, и ходить далеко не нужно было, Манька Сопля и ее родители жили через стенку, близкие соседи, значит. Ходила себе девка и ни кто не обращал на неё внимания, но уж больно быстро вошла в полную фигуру. За несколько месяцев из худой сопливой девчонки превратилась в роскошную девицу с замечательной грудью и бедрами, ну, а рябое лицо мало кого интересовало, сиськи есть и этого достаточно. Родители Маньки, от греха подальше, тут же согласились выдать дочку замуж. Недолго Манька испытывала бабье счастье, сгинул её муж в море. То ли на пограничную стражу нарвались, то ли в шторм попали, об этом ни кто не знал. Маня заняла по наследству место покойной свекрухи на «Привоze» и стала по наследству кормить деда Бурмаку. Из одежды у Бурмаки мало чего было, да и не к чему она была ему, ходить-то некуда. Был у него единственный выходной костюм, новенький брезентовый костюм пожарника, да и тот достался ему по случаю. Как-то загорелась пожарка на Михайловской улице, как и положено, у пожарных сгорело все, кроме одного костюма, который Бурмака умудрился вытащить из пожара. Пожарники на костюм не предъявили претензий. Тут, если горит хата, пусть и горит забор. Вот такая жизнь и была у деда Бурмака.

8. Боря Полугрек.

На следующий день настал черед дворового осмотра ребенка и так сказать, полные крестины. Вчера пил только ребе, сегодня должен выпить за здоровье новорожденного весь двор. Естественно, крестины, это так к слову. В большинстве своём во дворе жил народ православный и другого слова они не знали. Боря, так называли ребенка, оказался весьма крупным карапузом, мало того, он оказался совершенно рыжим и сразу с веснушками от макушки до пят. Все тут же глянули на Рыжего Грека Хаджиогло, тот был огромен и весь в веснушках. Мстительная Маня Мацепудра сразу вспомнила, что девять месяцев назад, когда Натан был на работе, Беллочка заходила к Рыжему Греку за солью и задержалась немного, что было совершенной правдой. Рыжий Грек, в отсутствие своей жены решил похлопотать по хозяйству и хотел заштопать свои носки и не как не мог своими огромными ручищами вдеть нитку в иголку. Белла с легкостью проделала эту сложнейшую работу для Грека, заодно и заштопала ему носки, так, по соседски, без всякой задней мысли. Но об этом же ни кто не знал. А возьми сейчас и начни оправдываться Греку, тут и сомнения ни у кого не будет. Был грех и всё, так оставался хоть один шанс из тысячи, что на Грека грешить не будут. Грек безумно любил свою жену, маленькую Настюху, которая была ростом в метр пятьдесят, и то, если она была на каблучках. Детей своих у них не было, Бог не дал.

При дальнейшем осмотре ребенка, все же было видно, что он похож на Натана. Прозвище для Бори появилось тут же, Полугрек. На Степовой улице уже жил, Сёма Полужид, так почему не может жить на Михайловской улицы Боря Полугрек. Самое смешное, что Боря Полугрек всей своей душой привязался к Рыжему Греку, заодно и вёл близкую дружбу с Сёмой Полужидом. Но это все произойдет гораздо позже. «Кристины» удались на славу, хотя какая слава может быть при военном коммунизме. Водки хватало, коммунисты всю ее сожрать не смогли, а вот закуска была жидковата, разве что, Якут смог накушаться и в прекрасном настроении заснул на ходу, не доходя пяти метров до своей дворничкой. Хорошо он был женатым человеком, и его жена утащила в квартиру, благо дело в подвал тащить легко, чуть поднатужилась и Якут уже дома. Единственное, чего хватало и через, чур хватало на веселье, так это музыки. Во дворе играл самый знаменитый оркестр Одессы, естественно и конечно после оркестра Лёни БР, впоследствии Утесова, под руководством Вани Иванова, хотя это трио и трудно было назвать оркестром. Ваня Иванов на гармошке, Лёсик Ручка на гитаре и Бах на огромном барабане. Со временем этот оркестр приобретет ещё большую популярность в Одессе, но опять-таки, это будет позже.

9. Ваня Иванов, Лёсик Ручка и Бах.

Как появился Ваня Иванов в Одессе, наверно он и сам толком не знает. Шла первая Мировая война, человек получил ранение и по демобилизации возвращался домой живым, и, в общем-то, здоровым. Дырка в легком, так на молодом заживает как на собаке. А с войной покончено навсегда. Вот ехал себе человек на поезде с войны в свою Рязань. Хорошая компания, все служивый люд, погуляли маленько, с кем не бывает, бац, проснулся не в Рязани, а в Одессе. Открыл глаза, вещмешка нет, а шинелька и гармошка остались, благо шинелькой укрылся, а гармошку под головой держал вместо подушки. Одесса веселый город, хороший гармонист всегда на хлеб себе найдет. Снял он угол у Михайловского базара в подвале и давай на гармошке играть. На хлеб, кров и водку хватало. Звали ли Ваню Иванова, Ваня Иванов об этом на Молдаванки и не знали, может его, и Петей мама называла. Ваня Иванов к солдату прилипло сразу. Веселый, с типично рязанским лицом и говором, как же по-другому звать-то его, только Ваня Иванов. Так что, Ваня Иванов охотно отзывался на это прозвище. Как бы не называли, лишь бы кормили. Так Ваня погулял весну, лето, аж до холодов. И в трактире, и на гулянке-пьянке какой, везде Ваня с гармошкой нужен. Вот таким его и нашли в примерзающей луже Лёсик Ручка и брат его Бах, только без шинельки и гармошки, в одном исподнем, синюшного цвета, как пупок у курицы.

Братья близнецы были абсолютно не похожи друг на друга. Как объяснил доктор Паис, принимавший роды у их матери, это разнояйцовые близнецы. На Молдаванке непонятные слова доктора Паиса перевели зеркально, что бы было понятно всем. Братья, они и есть близнецы-братья, а вот яйца у них разные. Потом добавили, хотя мы и не видели, может у одного яйцо правое, а у другого левое. Ребятки родились с дефектом, уж больно родители были бедные. Лёсик, что первым родился, так у него были сросшиеся четыре пальца на правой руке, а большой палец был оттопырен. Прозвище Ручка к нему прилипло сразу, он и не обижался, а вот младший Бахом стал чуть позже. Им было уже годков по пятнадцать, когда в Одессе свирепствовала холера, родители их и приказали долго жить, а братья выжили, пролежав в холерном отделении инфекционной больницы больше месяца. Родителей схоронили без них. Появились они на своей Михайловской улице, и в своем дворе, как говорят в Одессе, краше в гроб кладут, днем, и дед Бурмака на сутки лишился дара речи. Спустились в свою полуподвальную квартирку, а дальше, как жить, что делать, лучше бы за родителями пошли вслед. Ничего, выжили. Кой в чем помогала еврейская община, кой чего и соседи давали. У Лёсика был абсолютный слух, хотя этого он и не знал. Вот и одолжил у Тоньки Чумы гитару на время. Тонька в своё время была безумно красива, как говорили, красива до безобразия, вот её Чумой и прозвали. Сколько парней эта красота сгубила. Годы прошли, красота ушла, а Чума осталась.

Так вот, Лёсик быстро выучился играть на гитаре, а брата, хотел научить, на каком другом инструменте играть. Оказалось, что братишка глухой на левое ухо. Тут-то все вспомнили, когда звали его, так он всегда голову влево поворачивал. Только на барабане и выучился играть. Это ж Одесса, а не Мелитополь какой-то. Тут дед Бурмака вспомнил, Бах-то совершенно глухой был, это ему рассказал регент одесской кирхи, когда они пили прокисшее вино у Мирча Боу возле «Привоза». К чему это рассказал регент деду Бурмаке, тот и сам не помнил, а вот сказанное и главное, вовремя всплывшее в памяти, дорогого стоит. Теперь брат Ручки получил свое полноценное имя Бах и стал настоящим членом общества на Михайловской улице. Лёсик и на трубе выучился играть, но трубу давали только на прокат, хоть и дёшево, а купить он ее не мог, денег не было. Старший брат находил, где сыграть. Труба и барабан на похоронах смотрелось жидковато, но терпимо, гитара и барабан на свадьбе или именинах слушалось не менее трагически, но бедность не порок. Приглашали те, кто не мог оплатить весь симфонический оркестр знаменитой одесской филармонии. Так и жили бедно, но дружно. Им было не привыкать, когда в их жизнь вошел Ваня Иванов.

Взяли они Ваню Иванова за руки и ноги, ели оторвали ото льда и притащили его к себе домой. Заболел Ваня сильно, видать и простреленное лёгкое тут помогло. Умирал Ваня в горячке. Пошел, Ручка к доктору Паису, помощи, мол, Ваня Иванов умирает. Ваня Иванов, естественно не принадлежал к одесской еврейской общине, но долг врача, все же взял свое у доктора Паиса, но после слов Ручки, что Ручка с Бахом поселятся у него жить, до тех пор, пока он не осмотрит бедного Ваню Иванова. А что мог сделать доктор Паис? Воспаление легких одинаково протекает, что у еврея, что у русского. Тут нужны лекарства, хорошее питание и благословление Господа. Три вещи, без которых в то время пневмонию не вылечить. Благословение Господа выпросить можно, хоть в церкви, хоть в синагоге, а вот где взять остальное, это проблема. Аптекарь Гаевский в кредит медикаментов не даст, тем более гою, легче выпросить кусок говядины на одесском «Привозе». Так и сделали. Бах пошел на «Привоз» разжиться мясом, Ваню Иванова там знали, а Ручка, не надеясь на снисхождение Гаевского, сделал проще, пошел и заложил в ломбард Михельсона чудесную гитару из палисандрового дерева, которая была одолжена у Чумы. Долго Ваня Иванов шел на поправку. Уже весна была в разгаре, когда он впервые вылез из подвала на свет Божий. Задумался Ваня крепко о своей жизни. Всю зиму Лёсик Ручка и Бах его содержали и кормили, хотя сами жили впроголодь. Через неделю Ваня Иванов пропал, еще через два дня появился с грудой хлама, дерева и жести. Через несколько дней гармошка была готова, выглядела она не очень привлекательно, но звучала здорово, как клавесин, который подхватил ангину.

Оркестр, если скромно, трио, теперь уже под руководством Вани Иванова прославились в первый же день своего дебюта, их пригласили в полном составе на похороны Ромчика Кашубы.

10. Ромчик Кашуба.

После своей смерти Ромчик, по прозвищу Ромштекс не оставил ни гроша, хотя и был знаменитым потомком купеческого рода. После смерти своих родителей Кашуба быстро расправился с их состоянием. Вообще, он был очень весёлым молодым человеком. Каверзы и шутки от него исходили, как из мельницы шла мука, а может и отруби, но это не имело ни какого значения. Как-то Ромчика велел высечь градоначальник за его проказы. Его и высекли. У градоначальника Одессы была замечательная фамилия – Зелёный. Ромчик купил свинью и покрасил её в зеленый цвет, после чего приковал бедное животное ночью к парадному подъезду градоначальника. Свинья орала всю ночь, ее ни как не удавалось отцепить от перил, когда расцвело, и цепь, наконец, распилили, то по Дерибасовсой улице галопом пронеслась зелёная свинья. Потом этот фокус повторил дрессировщик Дуров, проехавшись по манежу одесского цирка на зелёной свинье, о чем и запомнили потомки, но пальма первенства принадлежит все же Ромчику. После чего он и получил свое прозвище Ромштекс. Так как ходили слухи, что

градоначальник Зелёный на весь свой кабинет кричал, что из Кашубы он сделает настоящий свиной ромштекс. Свиной быстро ушло, а вот Ромштекс остался. В Одессе так и говорили, Ромчик плохо кончит, так оно и получилось. Находясь в стеснительном материальном положении, Кашуба предложил бездетной одноглазой Ларке, если она даст червонец, сделать ей ребёнка. На удивление всем одноглазая Ларка тут же согласилась и, зная хорошо Ромштекса, она тут же выложила червонец. У Ромчика назад пути не было, тем более что червонец пылал огнем на ладони одноглазой Ларки. Как сказал патологоанатом, делавший вскрытие тела Ромчика, гражданин Кашуба умер от инфаркта, прямо на Ларке, которая на самом деле оказалась Илларионом Савельичем Канторовичем, известным в кругах педерастов под кличкой Одноглазая Ларка. Вот говорили в Одессе, что он плохо кончит, так он и кончил плохо. Был кинут клич, скиньтесь, кто может на похороны Ромштекса. Скинулись, но когда подсчитали весь капитал, то поняли, что денег хватит только на дуэт Ручки и Баха. Тогда еще одесситы не знали, что был организован полноценный оркестр под управлением Вани Иванова. Похороны скорбное дело, но такой веселой похоронной процессии Одесса еще не знала. Ромчик был веселый человек, думаю, и он бы смеялся на таких похоронах, где плохо «кончают». Кашубу хоронили, не переходя Люстдорфскую дорогу. Сначала звучал траурный марш Шопена и гармошка Вани Иванова с трудом выводила эту мелодию, потом Шопен плавно перешел в семь сорок, хотя ни кто этого сразу и не заметил, так как было и без того всем весело. Все кончилось не скоро и веселой попойкой. Траурную процессию разогнала полиция, которую вызвал кладбищенский сторож. После этого знаменитый оркестр под управлением Вани Иванова больше не приглашали на похороны, зато от свадеб и гуляний отбоя не было даже в тяжелые дни военного коммунизма.

11. Жора Лом.

Жора Лом достаточно большая знаменитость на всю Одессу. Жил он на Балковской улице со старушкой матерью. Отец его когда-то был знаменитым портовым грузчиком, но годы взяли своё, надорвался мужик и как-то быстро увял и умер. Жора не пошел по стопам отца, хотя силища его была огромной. Его приглашали к себе сам Миша Винницкий, он же и Япончик, и многие другие «Весёлые ребята». Жора с легкостью мог утащить любой сейф без применения крана и других подъёмных машин, но он очень любил свою старушку мать и не хотел оставлять её одну, на случай если его заберут в охранное отделение или того хуже, посадят в тюрьму. Работу он себе нашел в трамвайном депо, что располагалось на Степовой улице, рядом с Михайловским садиком и Михайловским базарчиком. На этом базаре, его мама торговала семечками на стаканы, и Жора одним глазом глядел, что бы ни дай Бог, кто обидит его мамашу, а другим глазом смотрел на тяжести, которые он ворочал в депо. Естественно, ни кому и в голову бы не пришло обидеть Жорину маман, а если бы и нашелся такой полудурок, то жить ему осталось бы всего ничего, не больше минуты. Это именно то время, при котором Жора добегит легкой рысью от депо до базарчика. Жора с легкостью при помощи лома мог приподнять трамвай для замены колесной оси, так что Лом к нему прилипло быстро, а так это был добрейшей души человек. Про таких говорят – И мухи не обидит.

Целый год Жора просил директора депо господина-товарища Цибульского, что бы тот организовал ему напарника. Приподнимет Жора своим ломом трамвай, а вот «пятку» поставить некому, того и глядишь, трамвай покатится и сойдет с рельсов. Опять тужиться надо, трамвай на рельсы ставить. Цибульский лишних людей брать в депо не хотел, зачем ему разговоры всякие, на всех «хлебных» местах работали его родственники, депо казалось ему собственной лавкой, но сына погибшего красноармейца на колчаковских фронтах пришлось-таки взять. Против парторга ГубЧКа, милой Софочки Гильберштейн, которая свое собственной рукой расстреляла из своего же собственного Маузера ни одну сотню православных, а так же ни одну сотню иудеев и которая носила замечательную кличку, по тем временам, Комисарша, не попрешь, без ущерба для здоровья. А на кой черт Цибульскому было терять свое драгоцен-

ное здоровье, ему хватало вечно больной жены, то у неё грыжа, то у неё геморрой, а за все платить надо. Короче, Санька Шикина взяли в депо работником на самую низкую ставку. Санек был правильным малым, так как родился на Молдаванке, еще и на Михайловской улице. Ровно через месяц он проставился Жоре почти на все своё жалованье. Впоследствии Санек станет Александром Владимировичем, окончит институт инженеров морского флота. Сделается комсомольским вожаком и будет водить ватагу комсомольцев по бескрайним просторам Советского Союза от Мурманска до Хатанги. Жора будет гордиться своим Напарником, но это будет гораздо позже.

Напарник, как звал его Жора Лом быстро вышел из строя после первой же рюмки. Малый, голодный и тощий, сколько ему надо. Так что выставленную бутылку Жора допивал самостоятельно. Глотнул слегка из горлышка и водка окончилась. Обычно Жора ни когда не ходил по Михайловской улице. Он спускался сразу вниз и выходил на свою Балковскую, а тут Напарника нужно отнести домой, благо все в Одессе рядом. Он быстро отнес Напарника домой и тут вопрос стал ребром, чего делать дальше. Пол-литровая бутылка водки для Жоры была, что для слона дробинка. Хорошо бы слегка добавить и с чистой совестью пойти к себе домой. К тому времени его старушка мать уже почилла и Жора жил совершенно один. Так ноги сами принесли его в винный подвальчик, что на Михайловской улице. Не пришлось в этот день Жоре испробовать ни крепленного, ни сухого вина, а все тому виной Галатея. Перед входом в подвальчик Жора поднял голову и увидел ту, о которой мечтал всю свою жизнь во сне и наяву. Галатея была прекрасной.

12. Галатея.

Галатея, в простонародье Галка, как я уже писал, была младшей дочерью Сицилии. Циля не желала передавать свою наследственную профессию младшей дочери. Достаточно было того, что профессиональный секрет портовой проститутки высшего класса, (как сегодня бы сказали VIP-класса), она передала старшей дочери. Галатею она хотела выдать замуж, ну если не за князя, то уж за серьёзного одесского купца, тут даже к гадалки ходить не надо. Все планы спутала Советская власть и непонятная болезнь дочери. С Советской властью все понятно, а вот с болезнью, все случилось именно так. Галатеи были наняты учителя, и к пятнадцати годам она умела варить варенье из райских яблок, прекрасно разбиралась в географии, музицировала на фортепиано, подпевая себе ангельским голоском. Как утверждали учителя Галатеи, всему этому учили в институте благородных девиц в самом Санкт-Петербурге. И это было полнейшей правдой, скажем так, почти правдой. К Циля, по старой памяти, что бы насладиться её любовью, заехал одесский цыганский барон, прихватив с собой оболтуса сына. Пока Циля обслуживала барона, Галатея музицировала на пианино, развлекая недоросля. Ясное дело, пять минут и барон улетел в небеса, а пианино затихло. Других клиентов, естественно, не было, и Циля решила проведать дочку, тишина в соседней комнате её сильно обеспокоила, пока барон настроится, если сможет, конечно, на второй заход. То, что она увидела в комнате, ни как не походило на знаменитую картину Ильи Репина «Приплыли». Галка, простите, Галатея стояла у окна, упиравшись руками в подоконник с задраным подолом платья. Трусов, естественно, уже не было видно, зато была видна очаровательная розовая попка со всеми полагающимися причиндалами к женскому организму. Цыганенок стоял со спущенными штанами, в руках держал свою огромную «морковку», ничуть не меньше, чем у его папаши, хотя отпрыску цыганского барона и не было ещё двенадцати лет. Другой позы, будем предполагать, он не знал, так как роскошная тахта была рядом. Цыганские дети взрослеют рано, как конь лошади делает жеребят, они узнают сызмальства.

Вот что значит профессионал в своем деле. Ублажи Циля барона на минуту позже, Галатея лишилась бы девственности и все мечтания мамыши о князе или купце пошли бы прахом, пролетарская революция, о которой твердили Большевики, еще не свершилась. А так все окончилось сильнейшим подзатыльником и пинком в зад цыганенку и его папаше барону, который

успел-таки рассчитаться с Цилей до акта любви и поркой ремнем по той самой розовой попке Галатеи. Как говорят в Одессе, Галатея отделалась легким испугом. Через день к Галке была приставлена старушка по кличке Мотя Держиморда, которая до ухода на покой сорок лет проработала в знаменитом казино не менее знаменитого ювелира Израиля Мильграмма. Галатея заскучала. Целыми днями теперь она стояла в той позе, в которой ее застала мать с цыганенком, лицом к окну, только теперь она не руками, а локтями упиралась в подоконник. Талия её стала резко толстеть, попка оставалась розовой, но увеличилась до размеров полкового барабана, а стройные ножки стали похожи на две ночные тумбочки в дешёвой гостинице. Циле бы сразу послать за доктором Гойхманом, но она дождалась, когда доктор Гойхман пришел сам, а делал он это регулярно, не реже одного раза в месяц, хотя, в былое время он навещал Цилю не менее трех раз в неделю. Доктор Гойхман осмотрел Галатею от макушки до пят. Ему было разрешено осматривать и там, куда не пустили «морковку» цыганенка и в другие прочие интимные места. Доктор Гойхман пользовался безоговорочным доверием Сицилии. Через час углубленного осмотра доктор Гойхман вынес вердикт.

– Что сказать тебе дорогая Сицилия.

Только в ответственные моменты доктор называл Цилю Сицилия. Это был, как раз, тот самый случай.

– В наше время наука движется очень быстро вперед. Появился такой раздел медицины, как эндокринология. Говорят, есть такие женские половые гормоны, так вот, у Галатеи их слишком много. Девственность ты Галатеи сохранила, и он многозначительно покосил глаза на пах Галатеи, при этом причмокнув губами, но эти самые гормоны женские привели к тому, что и случилось с Галатеей. Тут Циля перебила доктора вопросом.

– Так что, если я приведу этого бродягу цыганенка к себе в дом, то моя доченька похудеет. Черт с ней этой девственностью, за те деньги, которая я собрала упорным трудом, я все одно выдам её замуж за князя, а вы мне дадите справку, что Галатея неудачно перепрыгнула через забор. Что я не могу рассказать эту басню, которую рассказала дочка полицмейстера, которую имела пол Одессы и при том совершенно бесплатно, после первой брачной ночи этому старому болвану своему мужу французскому графу Соркази. Хотя, он такой же граф, как я девственница. Чем мы хуже?

Как обычно, доктор Гойхман задумался. Эта профессиональная привычка работала всегда, хотя он прекрасно знал, тут гонорара не будет.

– Милая Сицилия, боюсь, что цыганенок и даже биндюжник Кузьмич, о мужском достоинстве которого в Одессе ходят легенды, тут не поможет. Я Галатеи пропишу диету и Куяльницкие грязевые ванны. Жена начальника одесской тюрьмы господина Троцкого после Куяльника похудела аж на десять кило. Раньше она весила сто пятьдесят килограммов, теперь сто сорок, это-то при росте в метр шестьдесят. Будем уповать на Бога, медицина, пока тут бессильна.

В этот день доктор Гойхман не получил от Циля ни гонорара, как он и предполагал, ни любви. Циля не умела плохо работать, она была трудоголиком по жизни. И если убажить клиента, то на все сто пятьдесят процентов, иначе она не Сицилия. Ну а на счет гонорара, так доктор ни чего и не сделал, такую ерунду она могла выслушать и от деда Бурмаки и при этом, он бы и не глядел на интимные места Галатеи.

Галатея продолжала поправляться, несмотря на революционную обстановку в России и полным отсутствием деликатесов, хотя лицом она становилась все краше и краше. И как говорил дед Бурмака, совершенно не знакомый с законом сохранения энергии.

– Если где-то убыло, значит, где-то прибыло, глядя на курятник Вальки Пилихатой, у которой вчера пропала несущка, выковыривая длинным желтым ногтем застрявший кусок мяса курицы между своими не менее желтыми зубами.

Вот в таком же состоянии Жора Лом и увидел прекрасное лицо Галатеи в окне на втором этаже.

12,5. Свадьба.

Жорик, перестань пялиться на Галку, идем с нами винца попьем после рабочего дня, говорили ему заходившие в пивную работяги. Ты не видел еще, что там за окном, при этом прелестном личике и прыскали от смеха. Жора не обращал внимания на грубые замечания и насмешки. Он был влюблен. Он был влюблен впервые в своей жизни. Женщины у него были и были в изобилии. Кто ж пройдет из дам мимо такой красоты. Многие женщины так и рассуждали, при такой гренадерской фактуре интересно испробовать на себе его и мужское достоинство. Жора не обманывал надежд дам. Все, что было снаружи большим, все было очень большим и твердым, так сказать, и внутри. Дамы испробавши Жорины ласки были в полном восторге, и на Жору всегда была открыта охота. Но в данном случае Жору обуревала не похоть, а настоящая любовь. Такой ему снилась девушка его мечты, о такой девушке он всегда мечтал. Работяга, в общем-то, грубый человек Жора Лом стал податливее воска. Ноги и те стали ватными. Дед Бурмака и тут оказался на месте. Его невестка презентовала ему десять копеек, от своих щедрот и Бурмака не думая ни минуты тут же решил их пропить. Гулять так, гулять, где наша не пропадала. На десять копеек не сильно разгуляешься, но тут расчет был на другое, главное начать, а там ребята помогут. При входе в погребок, хотя на Молдаванке это заведение называлось проще, «винарка», Бурмака наткнулся на большое тело Жоры.

– Что Жорик, девка понравилась? Так я тебе скажу, она таки девица, я точно знаю. Хоть мамаша ейная и большая сука, а дочь блюдет. Вот лицом и сиськами прекрасна, а жопа подкачала, размеров необъятных.

Никаких неприятных слов дед Бурмака не сказал. Это была обыкновенная речь, которая была в обиходе на Молдаванке. Как известно, университетов там ни кто не кончал. Говорили просто и понятно, а вещи называли своими именами, без прикрас и прилагательных.

Вот тут Жора Лом все и понял. Моя девушка и ни кому не отдам. Если и ходить не может, так что, я свою любимую на руках не отнесу. Трамвай поднимаю, так она у меня на руках как пушинка будет. И Жора побежал навстречу своей любви, два лестничных проёма, разговоров-то. Дверь открыли не сразу. Цили была у своей давнишней подруги, которая слегка приболела желудком, и ее лечил доктор Паис клизмами, а Клеопатра, как и положено, только начинала свой рабочий день. Одесские буржуа, которые смогли в этот день вырваться из лап своих жён, рвались в объятия Клёпы, которая ни чем не уступала в работе своей матери. Все и так знали, что Клёпа дочка Цили, а реклама двигатель торговли. Спустя некоторое время за дверью послышалась шаркающая походка, а уж потом заскрипел засов двери. Жора с легкостью взял Галатею на руки и отнес в большую комнату. Там он ее осторожно опустил на тахту, а сам уселся рядом на стул. Так они просидели молча, глядя друг на друга довольно долго, пока не пришла мать Галки Сицилия. Её несколько удивил визит Жоры Лома, но паники, как с цыганёнком не было. Пауза затянулась. Первой не выдержала Цилия.

– И шо Жора ты молчишь как бык на ярмарке и раздуваешь ноздри? Это не трамвай, это Галатея, моя дочка.

Жора долго собирался с мыслями. Тут действительно не депо, а Галатея не трамвай. Нужно говорить и говорить красиво. Наконец его прорвало.

– Мадам Цилия, я вас очень уважаю. Вас любит вся Одесса. Ваша дочь прекрасна. Отдайте её за меня. Слово даю, она ни в чем нуждаться не будет.

– Вы посмотрите, у Жоры оказывается богатое красноречие, сказала Цилия.

А сама Цилия в это время подумала. Да, Жора не князь и не купец, ну, так и времена изменились. Жора жених достойный. И куда я Галку дену, если она еще годик-два в девках засидится. Попью немного ломовой крови и соглашусь. Жора зарабатывает хорошо, по сего-

дняшнему времени, балыков и осетрины не будет, но и с голоду Галка не помрет. Пусть живут при мне, спокойнее будет. И продолжила.

– Такую девушку любить и хорошо содержать надо, потянешь ли, это не трамвай поднимать, тут ласка и нежность нужна.

Жора засопел в две ноздри, потом взял Галатею на руки.

– Благослови матушка, верным сыном тебе буду.

Что бы Жора вдруг не передумал, свадьба была назначена на ближайшее воскресенье. Весть об этом быстро разнеслась по всей Молдаванке. Приглашать ни кого не было нужды. Свадьба должна была состояться во дворе ее дома, так как рестораны все были закрыты большевиками. Только несколько избранных человек были приглашены ею лично. В число приглашенных был включен и аптекарь Гаевский. Он не покинул Одессу, думая, что власть большевиков долго не продержится и дал, как говорят в Одессе маху. Хотя Гаевский думал несколько по-другому. Лучше бы он таки дал Маху, но и сбежал бы из Одессы вместе с французами. А вот доктор Гойхман приглашения не получил. Нет там почты. После расстрела в ЧК он был похоронен, а вот где его могила в Одессе почти ни кто не знал, кроме избранных сотрудников Губ. ЧК.

В воскресенье Жора был согласен принять не только иудаизм, но и буддизм вместе с исламом. Только в одном он не сошелся с ребе, потерять свой небольшой кусочек крайней плоти и очень культурно попросил ребе спрятать свою машинку подальше, показав при этом свой чудовищной мощи кулак. Это на ребе подействовало сразу. Оказаться на больничной койке с поломанной челюстью и в коме подействовало на ребе лучше любого заклинания. Обряд венчания прошел по положенному чину, и молодые поцеловали впервые друг друга. Жора был сражен наповал. Если бы ребе не спрятал далеко свою машинку, он бы с легкостью успел бы провести обряд принятия иудейской веры для Жоры безболезненно и очень быстро. Еще не вкусив чар Галатеи, Жора оказался на небесах, словно его успела обслужить по первому разряду его тёща Циля. Еще несколько раз прозвучало – Горько, но уж потом и свадьба развернулась. Пили крепко, закусывали слабо, с харчами в стране напряженка. Оркестр под управление Вани Иванова играл во всю свою мощь и играл совершенно бесплатно. С друзей денег не берут. На Молдаванке это святой закон. Ваня Иванов так же исполнял роль тамады. Как только Жора показывал на Галатею глазами, Ваня тут же орал во всю глотку – Горько!

Клеопатра появилась на свадьбе своей сестры, когда пир шел всей горой. Её задержала работа. Месяц назад её заказал видный деятель одесского Губкома, который теперь являлся и её крышей. Время-то было не спокойное, могли и обидеть. Так что претензий со стороны Циля и Галатеи не было.

Вскоре появился и сам аптекарь Гаевский. Аптеки, естественно у него отобрали, и он трудился в собственном же учреждении простым провизором в филиале, что на Степовой улице. Там он и обитал в нерабочее время в полуподвальном помещении. Квартиру, как у бывшего буржуя у него, опять-таки естественным образом отобрали так же. Вот деньги его не нашли. Десять обысков, допросы с пристрастием ничего не дали. Так как он был единственным провизором, который хоть в чем-то разбирался на всю Одессу, его пока оставили жить. Город без настоящего аптекаря жить не мог, а шарлатанов и коновалов в Одессе всегда хватало. Ими можно было выложить всю Дерибасовскую улицу вместе с Пушкинской улицей и еще бы с десятка два осталось. Гаевский присел на заранее приготовленное для него место возле им же любимой Циля. Как-то скромно аптекарь протянул конверт, подарок молодым ко дню свадьбы. Циля незаметно для всех глянула в конверт и обомлела. В нем лежали советские дензнаки напечатанные на обратной стороне винных этикеток, оставшихся не использованными еще при царском режиме. Такого Циля проступка Гаевскому простить не смогла и затаила злобу. Недолго ей пришлось ждать отмщенья. В это время оркестр Вани Иванова начал исполнять произведения на заказ, а вот за это было нужно платить, понятно, пусть копейку, пусть десять

копеек за исполнение песни, но платить надо, тут дело принципа. Закон. Циля, голосом гремучей змеи попросила Гаевского, который только что опрокинул полстакана самогона и хотел прийти в хорошее расположение духа от житейских проблем и коммунистов.

– Господин Гаевский, вы не хотели бы заказать какую-нибудь прекрасную песню ради свадьбы и щедро рассчитаться с оркестром?

Старого Гаевского ни на что купить было нельзя, так он, во всяком случае, думал и серьезно ошибся, приняв вызов Циля.

– Так я таки и не против. Вот если Ваня Иванов сыграет мне Брамса, я готов выложить десять золотых монет.

Больше в своей жизни так Гаевский не ошибался. Как говорить, и на старуху бывает проруха. Ваня Иванов, хоть и недолго прожил в Одессе, но стал истинным одесситом уже давно, иначе и не прижился в этом городе, на Молдаванке и на Михайловской улице сразу. И он принял условия игры.

– Мосье Гаевский, я в кредит не пою и не играю. Извольте показать указанную сумму.

Гаевский выложил на стол золотые монеты числом десять. Они как-то затерялись в его, некогда прекрасном, но теперь сильно поношенном сюртуке. Ваня Иванов резко повеселел. Шепнул на ушко своему оркестру в лице Лесика Ручки и Баха. На гитаре зазвучала сначала непонятная мелодия, а когда Ваня Иванов запел, то сразу всем стало понятно, это семь-сорок. Под эту мелодию Ваня Иванов запел прекрасным тенором, кто знает мелодию семь-сорок, тот легко споет вместе с Ваней Ивановым. А слова были следующие.

– Брамс —пара-пара-пара-Брамс-пара-Брам-пара-Брамс.

Брамс-Брамс.

Брамс-пара-пара-пара-Брамс.

Ну и так, все куплеты до конца. Овации были потрясающие. Таких оваций не знал даже знаменитый одесский театр оперы и балета, когда в нем выступал сам Шаляпин. Ваня Иванов смахнул золотые червонцы и быстро упрятал их в свой карман. Тут же возник спор и скандал со стороны Гаевского.

– Какой же это Брамс. Это полная одесская лажа.

Гаевский спорил бы до утра. Но тут вмешался третейский судья в образе Жоры Лома. Он сильно не пил, на своей свадьбе же женихом был, так размялся слегка литрухой самогона.

– Ваня Иванов выиграл, тут и спорить не о чем. Вы хотели Брамса, вы его и получили.

Дальше спорить было бесполезно. С Жорой спорить, что самому удавиться. Гаевский тихо покинул свадьбу, как поле боя, полностью побежденным. Больше Цилиной любви он не получил ни грамма. Такой подарок, который он сделал Галатеи, ко дню свадьбы, она ему не простила.

Свадьба шла уже к завершению. На дворе задрезжал рассвет. Жоре предоставили последнее слово перед первой брачной ночью. Вместо того, что бы поблагодарить дорогих гостей, взять свою Галатею на руки и унести в спальню, Жора произнес следующие слова.

– Слушай Брамс, это он обратился в Ване Иванову.

С этой минуты длинное имя Ваня Иванов было навсегда утеряно им, и он обрел новое имя Брамс, под которым и по сей день его помнит вся Одесса, если таковые, конечно, остались в живых.

– Так вот Брамс, а не слабо тебе со мной породниться. Смотри, какая у Галатеи прекрасная сестра Клеопатра.

Все тут же подумали, что новоиспеченный Брамс тут же плюнет в рожу Жоре Лому и уйдет к себе домой. Но произошло невообразимое. Брамс плюхнулся на колени перед Цилей и попросил руки её дочери. Партер ахнул, галёрка захлопала. Потом Брамс на коленях переполз к ногам Клеопатры, и ухватился за них.

– Клеопатра, я буду тебе хорошим мужем и ни одна сволочь тебя не тронет на этом свете пока я жив. А если помру, то и оттуда достану падлу.

Циля расплакалась, а Клеопатра обняла голову Брамса. Ребе тут же обвенчал молодых, без применения своей адской машинки, теперь и он плакал от счастья. Деньги на свадьбу были. Гонорар Гаевского был баснословно огромен по меркам того времени. Михайловская улица долго гуляла. Когда произошла первая брачная ночь у Жоры Лома с Галатеей и у Брамса с Клеопатрой доподлинно неизвестно. По утверждению деда Бурмаки, это произошло через неделю после свадьбы, да и какая разница, главное, что первая брачная ночь была.

Жора и Брамс перебрались в Цилину квартиру и Циля, в полном смысле этого слова приобрела не только двух зятей, но и двух сыновей, о чем и мечтала всю свою жизнь, когда еще в девках ходила.

14. Пианинка.

После свадьбы наступают трудовые будни. Ни кто на Молдаванке и не мечтал о медовом месяце. День-два, три от силы и если силы есть, а надо думать о хлебе насущном. У Жоры Лома была прекрасно оплачиваемая работа. Ни дай Бог, вдруг Жора заболит, депо станет навсегда через пару-тройку дней. Ни о каких кранах и подъёмных механизмах тогда не мечтали. Жора был нужен при любой власти и любом режиме, его и берегли, как могли, ежемесячно подбрасывая ему то премии, то прогрессивки. А вот с Брамсом дела обстояли куда сложнее. На холостяцкую жизнь ему-то хватало, но теперь нужно было содержать ему и жену. В Клеопатре он души не чаял, с уверенностью могу сказать, что и Клеопатра стала ему тут же верной женой. Возьми и только немного обидь Брамса, тут и Жора Лом не нужен, Клеопатра выдерет глаза с корнем, тому, кто посмеет обидеть её мужа. Ну, это так, к слову. Ни кому бы и в голову не пришло не то, что обидеть Брамса, худого слова, про него ни кто не мог сказать. О продолжении работы Клеопатре по профессии не могло быть и речи. Брамс перестал бы себя уважать. Помог, как обычно случай. У Михельсона ломбард отобрали, хотя в этом ломбарде самая ценная вещь была та самая гитара, которую Лёсик Ручка заложил во время болезни, тогда еще Вани Иванова. Когда отбирали ломбард, Михельсон ухитрился вынести гитару. Конечно, она ему была не нужна и старость его не обеспечила бы, тут дело было принципа, самый ценный объект нужно было сохранить. Гитара была отдана владельцу, я бы сказал так, никто бы не поверил, но её вернули совершенно бесплатно. Чума давно про нее забыла, и так забот был полон рот, а Лёсик принял ее с удовольствием. Но не все делается бесплатно в этом мире, это хорошо знал и Михельсон. В один из дней, когда Брамс только пришел с биржи труда, где ему досталось не очень хлебная работа, но за которую он и ухватился. Михельсон долгого вступления не делал.

– Послушайте Брамс, начал он. Тут такое дело. Я понимаю, сейчас линия партии во всю говорит, что надо бороться с разрухой. В Одессе ни чего не разрушили, но почему-то ни чего так и не работает. Одни митинги и призывы. И скажу вам, не таясь. Да, я за индустриализацию советского государства. Судоремонтный завод не работает, его растащили на зажигалки, но он будет когда-нибудь работать. В этом я уверен.

Брамс не очень грубо, но все же перебил Михельсона.

– Послушайте меня мусье Михельсон, не морочите мне голову с разрухой и индустриализацией. Мне завтра с утра весь день кирпичи таскать, я хочу отдохнуть. Говорите прямо или валите к себе домой. Меня Клеопатра ожидает с ужином.

– Ладно, скажу более прямо. Несмотря на светлое будущее завтра и всеобщий коммунизм, народ и сегодня хочет музыки и веселья. Бедно, тихо, но веселья.

– Михельсон, быстрее переходите к делу, а то я начинаю закипать как самовар в трактире.

– Ладно, еще быстрее. Тут я подумал, у вас золотые руки, а у меня прекрасная голова. Почему бы нам с вами не открыть артель по производству музыкальных инструментов. Не надо на меня так смотреть, как Ленин на буржуазию. Я все понял и поясню. Нет, медные трубы,

и литавры мы делать не будем. Вся медь ушла на индустриализацию и на электрические провода. План ГОЭРЛО в действии.

Кто бы мог подумать, что старый Михельсон так идейно подкован. Все было гораздо проще. От полного безделья Михельсон целый день читал советские газеты, других газет и не было. Он привык за всю свою жизнь много трудиться, а тут полный отпуск и без обеспечения. Вот и лилась из его уст советская пропаганда в понимании текущего момента самого Михельсона. И он продолжал.

– Начнем с простого. Гармошки вы делать умеете. Возьмете своих байстрюков, Лёсика Ручку и Баха себе в подручные. Потом попробуем сделать гитару и бубны всякие, может чего и получится. У меня кой чего осталось в загашнике на старость и найду помещение. В железе, дереве и прочей чепухи, думаю, заминки не будет. Заводы растаскивают по болтику и железке. На Староконном рынке все есть и стоит копейки. Я подключу племянника Изю, и он все доставит, может и бесплатно. Видите, я откровенен с вами и не хочу на вас наживаться.

Тут Михельсон слегка покривил душой, на счет наживаться, это стало ясно через несколько минут. Предложение Михельсона сильно заинтересовало Брамса. Только, только начали прорезаться ростки еще совсем слабого НЭПа. Всё-таки, это не кирпичи таскать. Тут и головой работать надо.

– Михельсон, и из каких процентов я буду работать со своими друзьями в этой артели?

– Так все поровну. Мне пятьдесят процентов и вам половину.

– Э нет Михельсон, тебе одному пятьдесят процентов, а нам на троих половина, что-то вы загнули сильно. Я сейчас позову Жору, и вам деньги совсем не понадобятся, в гробу карманов нет.

– Так это моя идея, мой первый взнос и единственный, как я понимаю и голова этому предприятию я, а вы только руки. Где вы видели, что бы руки получали столько же, сколько и голова? Думаю справедливо.

Спор разгорелся не шуточный, торговались до процента и по каждому проценту до хрипоты. В комнату зашел Жора и пришли, наконец, к единому мнению. Михельсону сорок процентов, остальное артельщикам. Жора мог убить Михельсона, но он бы уже не уступил и полпроцента, это было видно по его глазам. На этом ударили по рукам. На следующий день Михельсон за бесценок на Бугаёвке снял сарай бывшего купца Ставриди, сарай постоянно горел, его восстанавливали, он опять горел. Купец Ставриди разорился, не дожидаясь революции. Быстро спился и умер. У каких властей Михельсон снял этот сарай, так и осталось загадкой, а ведь это был его первый взнос-пай в будущее предприятие. Через несколько дней была выпущена первая гармонь-двухрядка и была продана, можно сказать, на аукционе раритетов заезжему коммерсанту из Винницы. В роли аукционера выступал сам Михельсон, а в роли покупателей Лёсик ручка, Бах и покупатель из Винницы. История не оставила знаний о той сумме по которой была продана гармонь. Одесситы тут же окрестили артель Михельсона и Брамса «Пианинкой», другого слова подобрать к выпуску музыкальных инструментов, просто, не возможно. Попробуйте сами, если получится. С Пианинкой началась новая эра развития Одессы, благодаря артели Брамс-Михельсон в скором времени в Одессе появился и лакокрасочный завод, да, мало ли еще чего. Брамс, оказалось, умеет читать и писать. Вот что делает любовь из человека. Когда пошло дело, он записался в одесскую публичную библиотеку и освоил производство гитар, балалаек и даже дошел до скрипки. Но давайте все по порядку. Когда Брамс делал свои гармошки, Лёсик Ручка и Бах пилили, строгали и полировали все, что давал им делать Брамс. Работали дружно, без митингов и авралов. Брамс засел в библиотеку. Ему достали все, от самоучителя игры на гитаре и щипковых инструментов, до производства гитар и балалаек. Когда была сделана первая гитара, Ручка великолепно вырезал из цельного куска дерева прекрасный гриф и стал вопрос о лаковом покрытии. В магазине оказался только масляный лак, а он категорически был не годен к покрытию гитары. Таким лаком можно было

покрыть только барабан, что бы глуше звучал, а лучше всего, вообще не покрывать таким лаком. Остро стал вопрос о спиртовом лаке. Все знали об одесских умельцах, и даже кто-то вспомнил о Моне Поцике, который таки получил Нобелевскую премию в области математики, как утверждали самые продвинутые одесситы, жившие в то время на Молдаванке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.